

Россия в Большой Евразии: месть или помощь географии?

Вячеслав Шупер

В.А. Шупер – доктор географических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института географии РАН, ассоциированный профессор Университета Бернардо О’Хиггинса, Сантьяго, Чили.

Дружинин А.Г. Евразийские приоритеты России (взгляд географа-обществоведа). – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2020. – 268 с.

Задачи, стоящие перед страной в условиях формирования Большой Евразии, всё больше выдвигаются на роль если не национальной идеи, то, во всяком случае, одного из главных векторов её развития для нескольких поколений россиян. Научное осмысление этих задач требует скоординированных усилий представителей многих наук. Новые представления о евразийской ориентации России, наиболее ярко и последовательно изложенные в шести докладах Валдайского клуба «К Великому океану»,

вышедших в 2012–2018 гг., задают каркас для такого междисциплинарного взаимодействия¹.

Книга Александра Дружинина, профессора ЮФУ и БФУ имени И. Канта, представляет собой попытку анализа евразийского вектора развития страны в категориях географической науки и использования её инструментария для решения задач, поставленных глубоким переосмыслением места страны в мире и её перспектив. В книге четыре главы:

1. Геоконцепт «Евразия»: генезис, метаморфозы, перспективы.
2. Современные тренды трансформации российского пространства: евразийские приоритеты и вызовы.
3. «Мореориентированность» современной России: евразий-

¹ К Великому океану: хроника поворота на Восток. Сборник докладов Валдайского клуба. Научный руководитель проекта – С.А. Караганов, научный редактор – Т.В. Бордачёв. – М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2019. – 352 с., ил.

ские детерминанты, векторы, форматы.

4. Русско-тюркский геостратегический диалог как краеугольный камень евразийского позиционирования России.

В первой главе решается многоплановая задача: проанализировать становление геоконцепта (макротопонима) «Евразия», проследить его постсоветские метаморфозы и описать пути становления Большой Евразии как новой реальности. Именно этой цели подчинены все исторические изыскания данной главы. Её «три источника – три составные части» – это географические исследования, включающие и классическую статью² 1915 г. Вениамина Семёнова-Тян-Шанского (1870–1942), и географические работы³ Дмитрия Менделеева (1834–1907), идеи евразийцев и блистательного продолжателя их дела Льва Гумилёва (1912–1992), а также взгляды идеологов пантюркизма, начиная с Исмаила Гаспринского⁴ (1851–1914), считавшего, что «Россия ещё не достигла своих исторических, естественных границ... которые, рано или поздно... заключат в себе все тюрко-татарские

племена и в силу вещей, несмотря на временные остановки, должны дойти туда, где кончается населённость тюрко-татар в Азии».

Приверженность научному объективизму не позволяет автору, глубоко проникшемуся идеями становления Большой Евразии, смотреть в будущее с оптимизмом. Он отмечает, что «формирование “россииориентированного” геоконцепта Евразии зримо ускорилося в начале XX столетия... в гигантской по размерам империи (в своём максимуме – почти 41% площади континента)» (с.16), причём страна показала удивительную территориальную устойчивость – потери в результате распада империи не превысили 4% (с. 17). Пик могущества – это «создание (по итогам Второй мировой войны) возглавляемой СССР военно-политической и экономической группировки (обширнейшей по площади, временами охватывавшей до 64% территории евразийского материка), и провозглашение Китайской Народной Республики (1949 г.), и относящийся к тому же периоду “лавинообразный” распад ранее доминировавших в южной и юго-восточной Азии колониаль-

² Семёнов-Тян-Шанский В. П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк политической географии. Известия Императорского Русского географического общества, 1915. Том LI, выпуск VIII. С. 425–457.

³ Менделеев Д. И. К познанию России. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1907. 157 с.

⁴ Гаспринский И. Русское мусульманство: Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. Симферополь: Типография Спиро, 1881. – 45 с.

**Соотношение ведущих экономик мира в 1970, 1980 и 1990 гг.
(исходя из ВВП по официальному обменному курсу; СССР – 100)**

	1970	1980	1990
СССР	100,0	100,0	100,0
США	248,3	296,9	768,5
Япония	48,3	115,5	398,8
ФРГ	49,7	102,6	226,7
Франция	34,2	74,8	163,9
Великобритания	30,0	60,0	140,5
КНР	21,4	20,3	46,4
Индия	14,7	20,2	42,0

ных империй с одновременным появлением множества самостоятельных (в большинстве своём «полузависимых») государств» (с. 35). Однако прогрессирующее отставание СССР приводило, помимо прочего, к усилению центробежных тенденций, а масштаб этого отставания столь красноречиво иллюстрирует таблица 1 (с. 20), что едва ли к этому стоит что-то добавлять.

После распада СССР отмеченные тенденции только усугубились. «Если в 1990 г. соотношение экономического веса России (РСФСР) и четвёрки ведущих европейских государств (Великобритания, Германия, Италия и Франция), по данным Всемирного банка, составляло 1:10, то к 2000 году – 1:24 (в 2018 г. – 1:8). Логично, что именно к середине нулевых годов степень хозяйственной зависимости РФ от ЕС достигла своего апогея

(в 2008 г. почти 54% внешнеторгового оборота России приходилось на страны Евросоюза), в дальнейшем, однако, снижаясь. Благодаря выстроенным центр-периферийным взаимосвязям, уже с конца 1990-х годов (и особенно с 2004 г.) на пространствах значительной части Евразии приверженность «общеевропейским ценностям» стала восприниматься как некий императив, лицензия на власть и «символ веры», а само понятие «Европа» усилило своё ценностное, статусное звучание. Весьма показательно, что даже в выступлении В.В. Путина (2011 г.), посвящённом формированию Евразийского союза, последний рассматривается «... как неотъемлемая часть Большой Европы»» (с. 26).

Однако весьма скоро пришло осознание того, о чём Лев Гумилёв предупреждал ещё в 1970-е гг.: глобальное доминирование Запада –

лишь исторический эпизод (с. 42). Уже в 2015 г. политолог Дмитрий Тренин писал: «На смену путинской концепции Большой Европы от Лиссабона до Владивостока, состоящей из ЕС и возглавляемого Россией Евразийского экономического союза, приходит Большая Азия от Шанхая до Петербурга»⁵. Термин «Большая Евразия», по воспоминаниям ученого-международника Сергея Караганова, был введен ещё в 2013 г.

В современном научном дискурсе Большая Евразия воспринимается преимущественно как:

- концепция, задающая интеллектуальную рамку для взаимодействия государств континента⁶;
- некий ареал международного сотрудничества на евразийском материке, пространство, конструируемое и организуемое трансматериковыми коммуникациями или коридорами, а также коридорами регионального характера (субконтинентальными), связывающими

- отдельные регионы России с прилегающими странами⁷;
- региональное или макрорегиональное международное сообщество, в основе которого лежат не история или цивилизационная общность и даже не количество экономических проектов и взаимозависимость, а особое качество и интенсивность политических отношений между образующими его государствами, прежде всего между Россией и Китаем⁸;
- структура, инициированная необходимостью объединения усилий для противостояния вызовам коллективного Запада, чей экономико-географический смысл состоит в строительстве долгосрочной и устойчивой континентальной евразийской интеграции посредством активизации международных хозяйственных связей и сооружения транспортных коридоров, что тем самым содействует преодолению транспортно-коммуникационных ограни-

⁵ Тренин Д. От Большой Европы к Большой Азии? Китайско-российская Антанта // «Россия в глобальной политике» <https://globalaffairs.ru/articles/ot-bolshoj-evropy-k-bolshoj-azii-kitajsko-rossijskaya-antanta/>

⁶ Караганов С.А. Россия – возвращение домой (вместо предисловия). Вопросы географии (148): Россия в формирующейся Большой Евразии. Под ред. Котлякова В.М., Шупера В.А. – М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. С. 9–15. <http://www.igras.ru/sites/default/files/Вопросы%20географии%20Россия%20в%20формирующейся%20большой%20Евразии.pdf>

⁷ Вардомский Л. Б. Между Европой и Азией: о некоторых региональных особенностях участия России в формирующейся Большой Евразии. Там же. С. 144–166.

⁸ Сулов Д. В., Пятачкова А. С. Большая Евразия: концептуализация понятия и место во внешней политике России. Там же. С. 16–53.

чений ультраконтинентальных стран и районов⁹.

При этом автор книги далёк от оптимистичного взгляда на Россию как на «место сборки» Большой Евразии (с. 43), он крайне озабочен прогрессирующей асимметрией российско-китайского экономического взаимодействия. По его мнению, «ко второй половине XX столетия начал проявляться судьбоносный для страны геостратегический “разворот”: **переход от освоения Евразии к освоению Евразией**» (с. 46, выделено в источнике). Дальнейшая судьба страны в условиях неблагоприятных тенденций изменения соотношения сил будет во многом зависеть от искусства маневрирования в многомерном пространстве двусторонних и многосторонних отношений между странами континента.

Вторая глава книги посвящена анализу пространственной организации страны и закономерностей её изменения в аспекте евразийской перспективы. Ярко выраженная асимметричность в размещении населения и хозяйства находит крайнее проявление в гипертрофии Москвы, «москвоцентричности», по выражению автора. Степень этой «москвоцен-

тричности», исторически очень изменчивая, сама по себе важный и интересный индикатор. Несмотря на крайнюю централизацию управления страной в советский период, доля Москвы в городском населении РСФСР неуклонно снижалась от переписи к переписи: 1926 г. – 11,9%; 1939 г. – 11,2%; 1959 г. – 8,1%, однако в границах 1960 г. – 9,6%; 1970 г. – 8,6%; 1979 г. – 8,2%, но с учётом расширения границ города в 1983–1984 гг. – 8,3%; 1989 г. – 8,1%. Слом плановой экономики запустил мощнейшие процессы концентрации экономической деятельности и населения в Москве: её доля в городском населении Российской Федерации составляла по переписям 2002 и 2010 гг. 9,8% и 10,9% соответственно. В 2020 г. (по данным текущего учёта) доля Москвы – 11,6%, но при введении поправок на Новую Москву и присоединение Крыма получаем 11,2%.

Объективные географические закономерности должны стать холодным душем для не в меру смелых преобразователей пространственной организации страны, ещё недавно предлагавших президенту построить железную дорогу до Берингова пролива, в сравнении с чем многие другие их идеи уже и не представляются сумас-

⁹ Безруков Л. А. Евразийская континентальная интеграция в экономико-географическом измерении: предпосылки, трудности, новые возможности. Там же. С. 228–262.

шедшими. При этом совершенно несбыточные мечты внешне могут выглядеть вполне здравыми. Классический пример – политика ограничения роста крупных городов и стимулирования малых и средних, которую проводили (точнее – пытались проводить) в советский период. Она была вдохновлена, казалось бы, вполне разумным, но при этом слишком поверхностным использованием американского и западноевропейского опыта. Между тем в 1963 г. вышла основополагающая статья основателя классической теории стадийальной урбанизации Джека Джиббса¹⁰, излагающая стадийную концепцию эволюции расселения. Только на последней, пятой стадии преобладают процессы деконцентрации, на четвертой максимального проявления достигают процессы концентрации. Попытки советского руководства запустить процессы деконцентрации тогда, когда системы расселения в стране находились максимум на четвертой стадии, а во многих случаях и на более низкой, были заведомо обречены на провал. Автор отмечает хроническое превышение установленной генпланами численности населения Москвы (с. 56). Отметим и мы, что происходило это, несмотря на

очень жёсткие административные ограничения. Просто в условиях планового хозяйства развитие не было и не могло быть сосредоточено преимущественно в Москве, росли и другие крупные города.

В 1990-е гг., в условиях архаизации многих важнейших сторон общественной жизни, расселение было отброшено на более низкую стадию эволюции, что и выразилось в резком усилении процессов концентрации. Однако природа (в смысле объективных закономерностей) всё равно берёт своё: Москва со своим ближайшим окружением зримо переползает на пятую стадию, что выражается в существенном замедлении роста столицы. Население области ещё продолжает расти приличными темпами, но её экономика уже не обладает прежним динамизмом. Учёт закономерностей, обусловленных эволюционной зрелостью расселения, совершенно необходим в Сибири и на Дальнем Востоке с их разреженным населением и очень низкой, даже по нашим меркам, плотностью инфраструктуры. В условиях мощнейших концентрационных процессов выбор локусов для развития должен быть предельно точным. Этого требует крайняя ограниченность ресурсов. Проявления тенденций

¹⁰ Gibbs J.P. The Evolution of Population Concentration. *Economic Geography*, 1963, vol. 39, No 2. - P. 119-129.

к деконцентрации можно ожидать только на юге Приморья, да и то не в ближайшей перспективе.

На Дальнем Востоке особенно нагляден переход от освоения Евразии к освоению Евразией, о котором шла речь в первой главе. «Доля Китая во внешней торговле Хабаровского, Приморского края, Амурской области и Еврейской автономной области – достигает 80%. Во внешней торговле Забайкальского края удельный вес Срединного государства ещё выше – порядка 90%» (с. 87). КНР практически определяет экономическое будущее этого региона. «Если современная экономическая ритмика в целом сохранится, то к рубежу 2029–2030 гг. душевой ВВП в КНР и РФ с высокой долей вероятности сравняется, что неизбежно создаст полноформатные предпосылки для многообразных социокультурных и иных трансформаций в тяготеющих к Китаю регионах Сибири и российского Дальнего Востока, самым своим соседством (а также глобальным геополитическим раскладом) практически обречённых на всё большее и большее инкорпорирование в китайскую геоэкономику» (с. 88). Подобные проблемы уже есть и на западном побережье России, особенно в Калининградской области.

При этом на западных рубежах страны происходит существенная перегруппировка сил, обуслов-

ленная в первую очередь стремительным возвышением Польши. Благодаря главным образом экономическому росту, Польшу в последние тридцать лет практически не затронула депопуляция, в то время как численность населения в трёх сопредельных с ней государствах, ранее также входивших в историческую *Rzeczpospolita*, «за постсоветский период сократилось более чем на 11 млн человек, то есть на 17%, имея чёткую перспективу к последующему устойчивому снижению (характерно, что по прогнозу ООН к середине XXI века демографический потенциал Польши превысит численность населения Украины)» (с. 117). В контуре «внешней составляющей» западного российского побережья весьма существенный интеграционный потенциал Польши, по мнению автора, будет лишь нарастать, множа «взаимопересечение» российско-польских геостратегических интересов на Украине, в Белоруссии и в странах Балтии (с. 118).

Третья глава книги рассказывает о «мореориентированности» России, «понимаемую как:

- совокупность факторов, проявлений и следствий влияния Мирового океана на общество и его пространственную организацию;
- использование «фактора моря» в общественной динамике

- (включая и пространственную организацию общества);
- пространственную архитектуру (конфигурацию) общества (хозяйство, расселение, инфраструктура) в аспекте её смещённости к морю, побережьям, локализованным на них важнейшим социально-экономическим центрам (эффекты талассоаттрактивности)» (с. 127).
- Рассматривая географические и геополитические последствия распада СССР, вследствие которого страна оказалась сдвинутой на север и на восток и стала значительно более континентальной, автор обращается к представлениям о континентально-океанической дихотомии, разработанным иркутским географом Леонидом Безруковым¹¹. Последний внёс важный вклад также в анализ и развитие идей евразийцев: «В экономико-географической концепции евразийства содержались также ценные прогнозы будущей территориальной организации хозяйства страны на макрорегиональном уровне. П.Н. Савицкий¹² правомерно полагал, что транспортная “обездоленность” внутриматериковых об-

ластей России-Евразии побудит не рассчитывать на мировой рынок и вызовет к жизни центры производства в собственных пределах. На основе активного использования принципа “континентальных соседств” прогнозировалось приоритетное освоение природных ресурсов и хозяйственное развитие преимущественно наиболее глубоких макрорегионов – Сибири, Урала и Поволжья. Гипотеза евразийцев о неизбежности внутриконтинентальной направленности смещения хозяйства и населения страны полностью оправдалась в советский период, когда произошёл масштабный “сдвиг производительных сил на восток”» (с. 16)¹³. Эта внутриконтинентальная направленность, как подчёркивает автор, нисколько не противоречила бурному развитию приморских центров в советские годы (с. 124–125), поскольку имела целью не уход от побережий вглубь страны, а максимальное использование внутриконтинентальных ресурсов.

Историю пишут победители, соответственно хозяйственная история советского периода на протяжении двух десятилетий

¹¹ Безруков Л. А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск: Академическое издательство «Гео», 2008. – 369 с.

¹² Савицкий П. Н. Континент-океан (Россия и мировой рынок) // Савицкий П.Н. Континент Евразия. – М.: Издательство «Аграф», 1997.

¹³ Безруков Л. А. Экономико-географическая концепция евразийства и её развитие на современном этапе // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2015, №4. С. 12-24 (<https://argorussia.ru/sites/default/files/2019-12/Вестник%20АРГО%202015%20.pdf>)

привлекала внимание исследователей преимущественно как объект критики. Между тем создание Урало-Кузнецкого комбината в начале 1930-х гг. было беспрецедентным достижением, сейчас незаслуженно забытым. Тогда впервые в экономической истории по железной дороге стали перемещаться такие массы грузов, которые ранее перевозились только морем. Из Кузбасса на Урал ежегодно перевозилось 5 млн т угля, а в обратном направлении – 2 млн т железной руды. Использование встречных перевозок и исключительно благоприятный рельеф Западно-Сибирской равнины позволили сделать себестоимость перевозок сопоставимой с морскими.

Сейчас нет возможности решать столь масштабную задачу с опорой на внутренние ресурсы. Преодолеть «континентальное проклятье» Сибири возможно, лишь используя Транссиб, а в перспективе – и БАМ, не только для вывоза угля к дальневосточным портам, но как мощные транзитные магистрали, обеспечивающие быструю доставку грузов из Восточной Азии в Европу по конкурентным с морским транспортом тарифам (выигрыш во времени должен оправдывать проигрыш в цене). Автор обеспокоен тем, что только 1% со-

вокупного объёма торговли между Китаем и Европой осуществляется по железной дороге (с. 154). Решение геополитических и геоэкономических задач, позволяющих привлечь грузы не только с северо-востока Китая, но и из Японии, Южной Кореи с возможностью их доставки через территорию КНДР после снятия или смягчения санкций, наложенных на эту страну, – в прямом смысле вопрос жизни и смерти для Отечества. Без этого (наряду со строительством магистралей меридионального простирания) невозможно преодоление «континентального проклятья» Сибири, обеспечение экономической связности территории страны, в отсутствие которой Дальний Восток будет обречён на самостоятельный дрейф¹⁴. «Из мировых держав только одной России присуща высокая степень транспортно-географической континентальности, что резко выделяет её из общего ряда всех остальных ведущих стран планеты, отличающихся более благоприятным макроположением относительно морских и океанических путей» (с. 17)¹⁵. Если наша историческая и географическая судьба – преодолевать сопротивление пространства, то почему это не должно быть одной из наших национальных идей?

¹⁴ К Великому океану: хроника поворота на Восток. Сборник докладов Валдайского клуба. Научный руководитель проекта – С.А. Караганов, научный редактор – Т.В. Бордачёв. – М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2019. – 352 с., ил.

Новое дыхание представлениям о транспортно-географической континентальности придала пандемия коронавируса, резко ускорившая проявление многих постепенно назревавших тенденций, исподволь изменявших экономический, политический и интеллектуальный облик окружающего нас мира. «В новой ситуации сухопутные государства не выигрывают и даже многое теряют, но морские государства теряют гораздо больше – писал профессор Максим Братерский¹⁶. – Исторически страны Евразии были связаны с морской торговлей гораздо слабее – внешняя торговля по морю стала играть заметную роль в их экономике только в последние десятилетия. Надо заметить, что и в этих условиях они старались диверсифицировать способы доставки (“Пояс и путь” – Китай, трубопроводы – Россия), частично и для того, чтобы уменьшить зависимость от морской системы мировой торговли, которая контролировалась Атлантическим сообществом. Теперь эта система ослабнет в принципе, и из огромного преимущества, источника влияния и заработков станет серьёзной обузой для атлантистов». Географам

следует отнести с предельным вниманием к происходящим изменениям в проявлении континентально-океанической дихотомии, прежде всего – в аспекте формирования Большой Евразии.

В четвёртой главе рассматривается роль тюркской составляющей в развитии страны. В России сейчас 12,6 млн представителей тюркских народов, причём все они, за исключением чувашей, хакасов и крайне малочисленных караимов, демонстрируют положительную динамику, способствуя улучшению далеко не благоприятной демографической ситуации в стране. «Почти $\frac{3}{4}$ российских мусульман приходится именно на тюркские народы... уже в ближайшей перспективе [они] станут оказывать всё возрастающее влияние на характер этнокультурного диалога во многих регионах и субрегионах России, предопределяя приоритетность в нём русско-тюркского межэтнического взаимодействия, а также соразвития конфессиональных систем православия и ислама» (с. 184). Завершение трёхвекового господства «европоцентрированной» картины мира должно привести к переоценке совместной русско-тюркской истории, в том числе с использованием

¹⁵ Безруков Л. А. Экономико-географическая концепция евразийства и её развитие на современном этапе // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2015, №4. С. 12-24. Ссылка: <https://argorussia.ru/sites/default/files/2019-12/Вестник%20АРГО%202015%20.pdf>

¹⁶ Братерский М. Далеко ли до войны? Журнал «Россия в глобальной политике», №3, 2020. Ссылка: <https://globalaffairs.ru/articles/daleko-li-do-vojny/>

потенциала евразийских идей, ко всё более явственному пониманию России как в том числе и тюркской державы (с. 185).

В этом контексте автор призывает к переосмыслению категории «государствообразующего народа», опираясь на мнение историка Николая Трубецкого о том, что само объединение почти всей территории современной России под властью одного государства было впервые осуществлено не русскими славянами, а туранцами-монголами (с. 186). В отношении же «государствообразующего народа» как материи очень тонкой и деликатной позиция автора безупречна: он предлагает считать таковым любой этнос, «чьё месторазвитие оконтурено рубежами России» (с. 186). Особая роль русского народа связана не с его историческими заслугами, а исключительно с тем, что он цементирует многонациональную и многоконфессиональную страну. «“Не сохраним русских – сами все потонем...” проще и эмоциональнее сформулировал этот крайне важный тезис... молодой крымский татарин, с которым автору довелось общаться в Севастополе весной 2014 года... Российская Федерация... должна, как видится, во всё возрастающей мере трансформировать себя в органичный симбиоз больших и малых “государствообразующих народов”, разделяющих ответ-

ственность за единство страны, её безопасность, благополучие, грядущую евразийскую судьбу» (с.187).

Значение тюркского фактора рассматривается и в широком международном контексте, причём в трёх аспектах: отношений между Россией и тюркскими постсоветскими странами, их отношений с Турцией с её политикой неоосманнизма и взаимодействия с другими внешними центрами сил – Китаем, США, Евросоюзом. Отмечается, что в 2010 г. ВВП России превышал совокупный ВВП пяти постсоветских тюркских стран в девять раз, а в 2018 г. – только в пять (с. 201). Роль Китая не следует ни преуменьшать, ни преувеличивать. Существуют все необходимые предпосылки для сопряжения различных интеграционных проектов таким образом, чтобы сотрудничество преобладало над соперничеством. «Аналогичного рода системы совместных альянсов должны выстраиваться, впрочем, и между Россией и Турцией, а также Россией и Ираном» (с. 210). Однако возможности эти используются далеко не в полной мере, чему свидетельством и существенное снижение миграционной привлекательности РФ для тюркских постсоветских стран (таблица 55 на с. 211). В этой связи автором горячо приветствуется увеличение квот для студентов из указанных стран в российских вузах – «из 181,5 тыс. иностранных

студентов, въехавших в нашу страну в первой половине 2019 года – 59,3 тыс. из Казахстана и 14 тыс. из Узбекистана» (с. 212).

Подробный анализ экономических отношений с Турцией (в их политическом контексте) в постсоветский период завершается выводом о том, что пределы внешнеэкономического сотрудничества наших стран на данном уровне их социально-экономического развития практически уже достигнуты. Соответственно, приобретает первостепенное значение расширение двусторонней повестки в пользу общегуманитарной, образовательной составляющих, что позволит поставить хозяйственные связи на более прочную основу, подкрепив их взаимопониманием между народами (с. 232–233). Двусторонние и многосторонние гуманитарные связи в самой широкой их трактовке становятся особенно важными на закате второй глобализации, они должны помочь нам всем с наименьшими потерями дожить до третьей, ждать которую ещё лет пятнадцать.

Взгляд географа на территориальную организацию страны в свете стоящих перед ней геополитических и геоэкономических задач также не может быть преисполнен оптимизма, причём, к сожалению, по многим причинам. Предстоящий стране гран-

диозный манёвр крайне затруднён наличием на наших западных рубежах зависимого от США Евросоюза, а на восточных – ещё более зависимых Японии и Южной Кореи. В этих условиях для России существует реальная опасность постепенного превращения в младшего партнёра Китая. В общественном сознании, кажется, уже укоренилось представление о том, что развитие Большой Евразии в огромной степени будет определяться отношениями между Китаем и Индией. Между тем под наши традиционно хорошие отношения с Индией до сих пор так и не удалось подвести соразмерный экономический фундамент. Этому препятствуют в том числе и неблагоприятные географические факторы.

Нужны не только новые железнодорожные выходы в Китай, необходимо также соединение железных дорог Китая и Индии с полным или частичным использованием знаменитой дороги Стилвелла (*Stilwell Road* – 1726 км от Лидо в Ассаме до Куньмина), которую союзники начали строить для снабжения армии Гоминдана после оккупации Японией Нижней Бирмы в 1942 году. Завершить этот грандиозный проект до окончания войны не успели, а затем в нём отпала надобность. Предлагаемая железнодорожная магистраль, электрифицированная и двух-

путная, отличающаяся по ширине колеи от железнодорожной сети Мьянмы (полностью узкоколейной), могла бы дать выход энергоёмкой и водоёмкой продукции из Сибири на огромный индийский рынок, что особенно важно для товаров с ограниченным сроком хранения и транспортировки. Однако совершенствовать территориальную организацию страны, приводя её в соответствие с геополитическими и геоэкономическими задачами, которые предстоит решать, следует незамедлительно, не делая при этом ставку на гигантские инфраструктурные проекты, осуществление коих может растянуться на десятилетия или не состояться вообще.

Упор должен быть сделан на сотрудничество с Индией в области нематериального производства, а также в тех отраслях промышленности, где производится продукция с очень высокой добавленной стоимостью, допускающая транспортировку воздушным путём (фармацевтика, тонкая химия, приборостроение и другие). Мы вряд ли можем быть удовлетворены уровнем сотрудничества в области образования и науки, хотя здесь есть огромный неиспользованный потенциал. Было бы неплохо сделать Новосибирск, образно говоря,

главным на индийском направлении, несмотря на то, что пока он не является главным даже на направлении казахстанском. Такой ход, безусловно, придал бы мощный импульс проекту «Академгородок 2.0». Импульс, который необходим, чтобы возродить уникальный научный центр, созданный с нуля в конце 50-х – начале 60-х гг. прошлого века и ставший в невероятно короткие по историческим меркам сроки третьей научной столицей Союза¹⁷. Этот проект, возможно, не менее масштабный и значимый для страны, нежели коренная реконструкция Транссиба, мог бы так же стать ярким примером использования потенциала Большой Евразии для решения фундаментальных проблем её развития.

Автор глубоко прав, вкладывая душу и сердце в преодоление недооценки тюркского мира, исключительно важного для настоящего и будущего Отечества. Мы действительно часто этим грешим. Но надо взглянуть ещё дальше и увидеть за хребтами Каракорума (тюркский топоним!) гиганта, который будет всё больше определять расстановку сил в Большой Евразии. Возможно, эта тема заинтересует автора и будет разрабатываться в последующих его книгах.

¹⁷ Маркова В.Д., Селиверстов В.Е. Программа «Академгородок 2.0»: проекты и образовательный потенциал // Мир экономики и управления, 2019. Т. 19, № 4. С. 66–86. Ссылка: <https://journals.nsu.ru/upload/iblock/cb9/06.pdf>